

Т.Ю. Кондакова, М.В. Пасхина, Е.Ю. Колбовский

Социальная география и экология сельской местности в зеркале территориального планирования

Статья посвящена основным результатам социально-географического изучения сельских поселений России, проводившегося для целей территориального планирования. Охарактеризовано экономическое состояние сельских территорий в связи с процессами трансформации землепользования. Описано использование географических информационных систем (ГИС) для оценки масштабного процесса депопуляции и деградации сельской местности.

Ключевые слова: Социальная география, сельская местность, кадастровые оценки земель, депопуляция, ГИС-анализ

T.Ju. Kondakova, M.V. Paskhina, E.Ju. Kolbovsky

Social Geography and Countryside Ecology in the Mirror of the Territorial Planning

The article is devoted to the basic results of social-geographical studying of Russian rural settlements, which was done with the purpose of territorial planning. The economic condition of rural territories in connection with processes of transformation of land using are characterized. The implementation of geographical information systems (GIS) for estimating the scale process of depopulation and countryside degradation is described.

Keywords: Social Geography, countryside, land using cadastral estimations, depopulation, GIS-analysis.

Проводящаяся в настоящее время в России процедура территориального планирования регионов позволяет обнаружить, что российская провинция как-то незаметно для себя лишилась перспектив. Проведенный авторами анализ «стратегий экономического развития», - документов, подготовленных в последние годы для различных субъектов Российской Федерации, только подтверждает впечатление, что развития, в общем-то, нет, а есть стагнация и распад, уже получившие у социологов наименование «демодернизация» [1].

Рынок, международное разделение труда, глобализация – означают ли эти масштабные явления «конец географии»? Конец истории, как известно, уже объявлялся в прошлом веке, может, и география дождалась своего часа? В самом деле, если согласиться с утверждением, что факторы социально-экономического развития регионов становятся по-настоящему экстерриториальными, то не рухнет ли как карточный домик все здание отечественной географии с ее инструментами регионального анализа?

Два-три десятилетия назад географы критиковали социализм за невнимание к местному социуму, за недостаточно территориально-обоснованные решения [2], но, похоже, что капитализм просто опрокинул всякую геогра-

фию, да так быстро, что научная общественность даже не успела «отрефлектировать» это уникальное явление надлежащим образом.

Гигантский в масштабах страны земельный передел нашел пока очень слабое отражение в географической науке. В этом смысле географам стоило бы присмотреться внимательнее к эпохе отмены крепостного права в России, когда десятки исследователей по заданию Российского Императорского Географического Общества были направлены в провинцию для изучения жизненных реалий русской поземельной общины. Кропотливое исследование «ключевых» (как мы теперь бы выразились) уездов в Костромской и Калужской, Ярославской и Тамбовской, Рязанской и Курской губерниях выпукло и достоверно продемонстрировало сложность процессов трансформации социальной структуры общины и ландшафтно-хозяйственных ареалов русской деревни [3]. Эти материалы позволили князю А.И.Васильчикову создать беспрецедентное обобщение [4], каковое мы по праву можем считать первой книгой по географии и социальной экологии сельской местности.

Весьма объемный труд А.И.Васильчикова убедительно демонстрирует, как изменившееся в результате реформы правовое поле привело к разрушению традиционного уклада сель-

ской общины, возникновению новых хозяев, а вместе с ними – принципиально иных арендных отношений. Новые владельцы и арендодатели, нанимая разорившихся обедневших крестьян, разумеется, стремились к получению большей товарной отдаче, в результате чего земли были подвергнуты жесткой распашке под «требовательные» культуры (лен, например), что привело к острому дефициту сенокосных и пастбищных угодьев. В качестве страдающей стороны оказалось животноводство, с упадком которого резко уменьшилось количество вносимых удобрений, а это обстоятельство, в свою очередь, отрицательно сказалось на урожайности и потребовало еще большей распашки (система с положительной обратной связью). Таким образом, ареалы пашенных земель были беспрецедентно увеличены, в результате была деформирована традиционная мозаика ландшафтно-хозяйственных ареалов на всем пространстве от средней тайги до степей Европейской России [4].

Нечто подобное, как ни странно, происходит и в наши дни. Распад традиционной сельской системы расселения с деревней в качестве места жительства тех людей, чьим трудом поддерживались производственные функции ландшафтно-хозяйственного ареала, определил разрушение системы социальных связей, что в итоге привело к «снятию» коллективных усилий ухода за ландшафтом. ***Социально-экономическая депрессия в российской провинции достигла точки невозвращения, и мы должны сегодня говорить о прекращении существования сельской местности и сопутствующего ей культурного ландшафта в том значении, в каком эти термины традиционно употреблялись в отечественной географии.***

Следует также особо отметить, что и в тех местах, где на базе арендных отношений возникли крупные агрохолдинги с огромными откормочными комплексами, птицефабриками и полями (на которых работает импортная сельхозтехника и трудятся «вахтовые» рабочие из ближайших городов), традиционная система сельского расселения, тем не менее, продолжает деградировать. Новое хозяйство выступает здесь в роли внешнего, «накладного» и весьма жесткого фактора деформации укорененной системы расселения: процессы, наблюдавшиеся авторами в регионах, традиционно относимых к благополучным, например, в Бел-

городской области. Здесь старые села и деревни еще продолжают сохраняться в верховьях овражно-балочных систем, но их деградация, выморачивание и упадок разительно контрастируют с расцветом коттеджных поселков новых «аграрных рекреантов».

Нельзя сказать, что изучению сельской местности не уделялось никакого внимания: напротив, в последнее десятилетие она не раз становилась объектом «исследования поневоле»: через российское село «прокатились» волнами сначала сплошная инвентаризация земель (середина 90-х), затем кадастровая оценка (1998-2002 гг.) и, наконец, – разработка градостроительной документации (генеральные планы, правила землепользования и застройки, схемы территориального планирования сельских районов). В составе регионов сельская местность была предметом экономического анализа в ходе разработки стратегий экономического развития, косвенно коснулись села и разрабатываемые в последние годы лесные планы. Однако беспристрастный анализ всех этих документов показывает, что достигнутый в них уровень понимания социально-географических реалий сельской местности далек от необходимого для принятия действительно эффективных управленческих решений.

Осуществленный авторами на примере сельских поселений Ярославской области анализ **кадастровой стоимости земель** позволяет утверждать, что важнейшая для сельской местности процедура кадастровой оценки во многом была профанирована исполнителями. Несмотря на разработанные методики [5], позволявшие учитывать особенности хозяйственного уклада (скажем, в регионах лесохозяйственного или биоресурсно-заготовительного типа), а также множество факторов, которые, несомненно, должны влиять на ценообразование (доступность населения до различных центров тяготения, уровень развития транспортной инженерной и производственной инфраструктур, уровень развития социально-бытового обслуживания населения, состояние окружающей среды, историческая и архитектурно-эстетическая ценность застройки, ландшафтная и рекреационная ценность территории), реально проведенные оценки в лучшем случае учитывают крупность населенных пунктов и наличие дорог. Проведенное авторами картирование итоговых кадастровых оценок в ГИС Mapinfo наглядно продемонстрировало то об-

стоятельство, что исполнители «на местах» не сочли возможным затруднять себя детальными изысканиями. Оцененные по пяти «группам» земли (населенные пункты, водные объекты, леса, неудобья, кустарники и болота) были положены в основу кадастровой стоимости участков, к которым применялось понятие рентного дохода, рассчитываемого как 1% стоимости сельскохозяйственной продукции с гектара при средней для РФ (!) урожайности, плюс дополнительный (с учетом капитализации) доход. В итоге таких «оценок» стоимость гектара леса где-нибудь в Ярославской или Костромской глубинке не превышала 2200 руб., а болот и кустарников и того меньше – 400 руб. (!).

Лишь в нескольких субъектах Российской Федерации для некоторых видов использования земель, по которым осуществляется оборот, нормативная цена земли определяется с учетом данных земельного рынка, по остальным видам цена исчисляется на основе многократно индексировавшихся ставок земельного налога. Могла ли налогооблагаемая база (определяемая вышеописанным способом) стать основой существования сельских территорий, определяемая как произведение кадастровой оценки на ставку земельного налога? Вопрос этот представляется коренным для определения «шансов на выживание» многих сотен сельских поселений «глухой» провинции.

На базе аналитических материалов, наработанных ЯРОЭО «Ландшафт» в процессе выполнения генеральных планов целого ряда сельских поселений, расположенных в различных регионах России (Ярославская область, Пермский край, Белгородская, Орловская и Липецкая области, Алтайский край), мы вынуждены ответить на этот вопрос отрицательно. Например, в среднестатистическом сельском поселении площадью около 500 – 600 кв. км. и числом жителей порядка 6 – 10 000 человек налоговые поступления от арендаторов и землевладельцев (физических и юридических лиц) составляют не более 2 – 4 млн. рублей в год. На эти деньги можно содержать управленческий аппарат сельского поселения и оплатить обслуживание двух-трех контейнерных площадок для вывоза ТБО. На оборудование пожарного депо с двумя дежурными машинами и радиусом обслуживания 12,5 км (как того требуют нормативы МЧС) таких средств уже не хватает. Прокладывать дороги, строить сельские гостиницы, обустроить рекреаци-

онно-ценные леса и побережья малых рек для отдыха – из области фантастики.

Между тем, если изучить изготовленные в последние годы генеральные планы сельских поселений, то можно убедиться, что проектировщики в громадном большинстве экономически депрессивных регионов российской провинции с настойчивостью, достойной лучшего применения, рекомендуют «инновационный туристско-рекреационный путь развития». Разумеется, такие рекомендации – результат наивности, недомыслия и (или) нежелания серьезно отнестись к выигранной по тендеру работе, ибо *не только конфигурация правового поля, но и реальное состояние экономики и социума не позволяют нам говорить о возможности развертывания в провинции инфраструктуры туристско-рекреационных услуг*. Хотя именно рекреация и туризм способны (потенциально) выступать в роли важнейших каналов реализации экосервисных услуг.

Как показывают наши исследования, реальный рынок земли в действительности никак не связан с кадастровыми оценками и формируется в три этапа, на каждом из которых «работают» свои факторы. На первом этапе местными «агентами» земельного рынка осуществляется (практически за бесценок) первичная скупка индивидуальных земельных паев у правообладателей – бывших участников сельскохозяйственных производственных кооперативов. На втором этапе участки объединяются в массивы с «первичным» оформлением в собственность новых владельцев в качестве все тех же земель сельхозназначения. На третьем этапе новые владельцы стремятся изменить вид целевого назначения и осуществить перевод из сельскохозяйственных земель в земли населенных пунктов, что позволяет им в будущем проводить коттеджную застройку. Только после последней процедуры перевода земель (осуществляющейся зачастую весьма сомнительными в правовом отношении средствами) земля обретает реальную «рыночную» стоимость, отличающуюся от первоначальной на два, а то и на три порядка.

Использование ГИС-систем в территориальном планировании позволило получить огромный массив сведений (еще далеко не обработанных и по-настоящему не оцененных), позволяющих по-новому взглянуть на различные (экологические, санитарно-гигиенические,

инженерные) аспекты жизни российской провинции. Один из прикладных результатов анализа - оценка социально-экономического состояния территории сельских поселений.

Социально-демографическая ситуация сельской местности характеризуется половозрастной структурой регрессивного типа; сильной депопуляцией и постарением населения; низкой ожидаемой продолжительностью жизни; деградацией сельской местности из-за миграционного оттока в центральные усадьбы и центры районов; мелкоселенностью и вымиранием населенных пунктов; дефицитом трудовых ресурсов в сельских поселениях и т.д.

Средний размер населенных пунктов наиболее «глухих» сельских поселений Нечерноземья – всего 10 жителей. Населенные пункты с такой людностью составляют от 40 до 50% от числа всех деревень. Если учесть, что большая часть всех населенных пунктов поселений (от 80 до 94%) относится к группе людности менее 50 человек, а численность населения старше трудоспособного возраста составляет в них долю более 30%, то **до 2026 г. может не дожить каждый второй сельский населенный пункт**. И эта статистика еще не учитывает реальную долю коренных жителей (поскольку выделить эту категорию из общего числа прописанных жителей можно только по так называемым «подомовым» книгам).

Ярко выражена утрата производственных функций сельских поселений. За последние 10-15 лет из сельскохозяйственного оборота сельских поселений были выведены многие тысячи гектаров (в том числе ценных земель и земель, ранее подвергавшихся мелиорации). Сравнение оставшихся угодьев, оцифрованных по картам ВИСХАГИ, с результатами дешифровки данных дистанционного зондирования («космоснимков») приводит к выводу о масштабном процессе «рентурализации» антропогенных экосистем (закустаривание, зарастание лесом, вторичное заболачивание территорий, подвергшихся осушению и мелиорации в 1960-70 гг.) и сравнительно быстром возвращении их через ряд сукцессионных смен в «лоно природы».

Таким образом, на наших глазах происходят процессы социального, экономического опустынивания территории (вспомним, что «пустынь» в исконном значении этого слова – необжитая, неосвоенная территория, покрытая лесом). Можно утверждать, что на огромных

пространствах страны уже, по сути, некому самоуправляться.

Результаты территориального планирования доказывают также, что **сельские поселения не являются «идеальными» административными единицами управления, поскольку они в рамках нынешней экономики и налоговой политики не в состоянии осуществлять весь спектр жизнеобеспечивающих (социальных, инженерно-технических) функций**. Широкое распространение получает практика передачи этих функций от поселений «обратно» в районы, поскольку не сельское поселение, а сельский муниципальный район является единицей управления при решении вопросом о содержании медицинских учреждений, библиотек и домов культуры и, главное, – школьных сетей, которые являются важнейшими организующими социальными сетями нашего времени.

Исследование школьной сети с помощью ГИС показывает, что она функционирует как классическая узловая («нодальная» по Б.Б.Родману [2]) структура с узлами в виде базовых школ и деревнями-клиентами, при этом не представляется возможным говорить об однозначной «вложенности» этой сети в мозаику административно-территориального деления сельских поселений. Наличие в «кусте» населенных пунктов школы является последним и зачастую решающим фактором сохранения стабильности, особенно если эта школа имеет интернат, способна обеспечить набор профилей, условия для занятия физической культурой и т.д. Закрытие школ (даже начальных) является «триггерным» событием, запускающим процесс омертвления целых фрагментов расселенческой сети. В областях типа Ярославской, Костромской или Тверской за первое десятилетие нового тысячелетия закрылось 25-30 школ, но количество исчезающих при этом населенных пунктов с постоянным («нерекреационным») населением можно смело умножать на пять. Таким образом, школьная сеть является важнейшим индикатором состояния и трансформации системы расселения сельской России.

ГИС-анализ сельских территорий позволил также выявить тесную зависимость конфигурации элементарных узловых структур, составляющих в совокупности расселенческую ткань, от комбинации в пространстве сельского района различных моделей освоения. Моде-

ли освоения, грубо передаваемые сочетанием белого («распашка» и другая «не природа») и зеленого («леса» и остальная «природа») полей листа топографической карты, содержат в себе гетерогенные (унаследованные от разных эпох) элементы, обладающие различной степенью устойчивости. С одной стороны, тенденции депопуляции, поляризации и концентрации населения в сельской местности являются общими для всей России. С другой стороны, опыт территориального планирования демонстрирует: модели освоения, определяемые сущностными характеристиками анизотропного географического пространства, проявляют удивительную устойчивость, и это сказывается на стабильности и плановой конфигурации территориальных структур.

Проведенный в ГИС MapInfo анализ сельской местности в южно-таежной и лесостепной зонах РФ позволил выявить следующие типы расселенческих структур.

А. Структуры, находящиеся на значительном отдалении от городов и сохраняющие традиционные сельскохозяйственных функций в сочетании с отраслевым природопользованием (лесозаготовкой, например). Сюда относятся ареалы расселения с достаточно четким преобладанием средних для данной местности населенных пунктов, однако тенденция последних лет такова, что и здесь возможна потеря структурной устойчивости, переход к концентрации жителей в крупных сельских поселениях при общем уменьшении численности населения и числа населенных пунктов.

Б. Структуры в буферной зоне городов с высокоинтенсивным сельским хозяйством при очевидной помощи города, что позволяет развивать и сферу услуг (например, в таких приближенных к городу селах обычно существуют крупные по численности школы). Судьба отдельных населенных пунктов в этой зоне оказалась различной: небольшая их часть, по мере освоения территории, улучшила свое географическое положение и превратилась в довольно крупные поселения, другие, особенно на ближней периферии старожильческих крупных сел, по мере развития межселенных транспортных связей и с изменением структуры землепользования, просуществовав какое-то время как постоянно обитаемые, прошли обратный путь - превратились в сезоннообитаемые, агрорекреационные либо просто исчезли.

В. Структуры, эволюционирующие по типу функционального замещения, под которым

подразумевается переход сельских населенных пунктов в агрорекреационные поселения, связанные с городом маятниковыми миграциями различной периодичности и интенсивности (обязательности). Эти земли, обладающие доступными рекреационными ресурсами, подверглись вторичному рекреационному освоению, характеризующемуся возникновением новых функциональных типов поселений – полностью занятых рекреантами деревень и новых дачных поселков.

Г. Отмирающая расселенческая ткань, в составе которой преобладают «дистрофные» населенные пункты, утратившие прежние сельскохозяйственные функции и по разным причинам не обретшие и агрорекреационной. Обычно это ареалы с наибольшей долей мельчайших деревень, находящиеся в пограничных («ничейных») зонах межобластного освоения, с «неудачным» географическим положением. Намеренно поставленная нами в кавычки неудачность этих ареалов весьма относительна: если бы буферное положение этих зон было в свое время правильно осмыслено и увязано с их важнейшей экологической ролью (потенциальные блоки формирующегося экологического каркаса), а попытки развивать зерновое хозяйство заменились бы осознанным развитием охотохозяйств, лесных промыслов и экологического туризма, то, возможно, мы сейчас не стояли бы перед необходимостью рассматривать данные ареалы как кризисные. В пределах таких ареалов среднее звено расселения размыто, и практически остались только два вида поселений, резко различающихся между собой по качеству населения: немногочисленные наиболее крупные села и масса мелких деревень с числом жителей, не превышающим, как правило, 10-15 человек. Первые, в развитии которых в свое время были вложены немалые средства, пока еще способны функционировать в качестве опорных точек социального и хозяйственного развития территории; судьба вторых предопределена: они исчезают и «спиваются» в земли запаса.

Таким образом, сельская местность на наших глазах превращается в Остров под названием «Российская Деревня» и связи этого Острова с Большой Землей Городов становятся все менее надежными. Отрыв финансовых средств от производства, а производства от социума в его территориальной проекции не могут продолжаться бесконечно, необходим возврат к социализации экономики, и чем раньше он будет предпринят, тем больше шансов у сельской местности получить хоть какие-то перспективы для развития.

Библиографический список

1. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Элвин Тоффлер ; пер. с англ. - М.: ООО Фирма Издательство АСТ, 1999. - 261 с.
2. Родоман, Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии [Текст] / Б.Б. Родоман. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 314 с.
3. Сборник материалов для изучения сельской по-земельной общины [Текст]. Т.1.; под ред. В.Л. Барыкова, А.В. Половцева, П.А. Соколовского. – СПб.: Издание Императорских Вольного Экономического и Русского Географического Обществ, 1880. – 447 с.
4. Васильчиков, А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах / А.И.Васильчиков. – Т. 2. - СПб., 1876 г.; 1008 с.
5. Варламов, А.А. Земельный кадастр: в 6 т. Т.4. Оценка земель [Текст] : учебники и учебн. пособия для студентов высш. учеб. заведений / А.А.Варламов – М.:КолосС, 2006. – 463 с.